

Академик Д.С.ЛИХАЧЕВ:

Умнейший муж России

Лит. газ. - 1994 - июль - с. 6

ВООБЩЕ говоря, я не сторонник чтения "с карандашом в руке" — всех этих подчеркиваний, вопросительных крючков на полях, восклицательных "так!" и "верно!". Позволяю себе что-то подобное лишь в отношении малоценных, вспомогательных изданий. Единственное исключение — десяти томный академический Пушкин из моей домашней библиотеки. Но тут уж я не виноват. "Виноват" Пушкин, чьи страницы столь насыщены живой, трепещущей, парадоксальной жизнью духа, что десяти томитником пришлось буквально пожертвовать. То здесь, то там хочется оставить памятный знак, чтобы потом вернуться, перечитать, обдумать. И ведь зачастую это страницы, как раз не предназначенные для вечности. Например, письма друзьям и близким.

"Конечно, народ не участвует в увеселениях высшего класса, — пишет двадцатипятилетний поэт сестре Ольге и брату Льву в 1824 году после петербургского бедствия, — но во время общественного бедствия не должно дразнить его обидной роскошью". Какая высокая простота и какая беспощадная точность слова! Сказано на все века, не исключая и нашего. Может быть, следовало бы золотыми буквами выбить эти пушкинские строки при входе в некоторые государственные, а теперь и частные учреждения.

А в наших спорах о месте литературы в новой действительности, о том, "с кем" она должна быть, — как не вспомнить написанное поэтом позднее: "Наши таланты благородны, независимы". Правда, тут же можно вспомнить и убийственно иронический совет, который тоже во все времена не остается без адресата: "В подлостях нужно некоторое благородство". Позднее эта мысль, как бы мимоходом оброненная в письме, бы-

ла отточена до совершенства в стихотворении "Сказали раз царю, что наконец...": "Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить /И в подлости осанку благородства". Но подлинное благородство ни с чем не спутаешь, его нельзя подделывать: "...гармония, поэтическая точность, благородство выражений, стройность, чистота в отделке стихов пленяют меня..." (из письма Плетневу).

А вот — Вяземскому из Михайловского в 1825 году: "Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца". И еще — тому же Вяземскому, годом раньше, о Европе и России: "Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов". Как не вспомнить эти слова сегодня, когда по-новому встает вопрос об участии России в европейских делах, о причастности ее к различным европейским сообществам! Нет, это не искусственное притягивание высказываний классика к преходящим задачам сегодняшнего дня — это констатация глубочайшей прозрачности "умнейшего мужа России", как называла Пушкина Цветаева!

Еще несколько суждений, вроде бы разрозненных, но как бы объединенных мощным силовым полем. "Век Екатерины — век ободрений..." — не приложимо ли сие и к нашему историческому моменту, при всем его несхождении с веком Фелицы? Неожиданно горькое (опять в письме к Вяземскому, 1825): "Зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гиблим...". Рылееву, тогда же: "Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия".

И надо всей этой пестротой высказываний — серьезных, печальных, озорных, парадоксальных — веяние духа вы-

6 июня — день рождения
Александра Сергеевича
Пушкина

сокой свободы. Тем-то они более всего и актуальны. Ибо о чем мы сегодня думаем и спорим больше, чем о свободе? Свобода — что она такое, какая она? Свобода — от чего? От власти, от догмы, от себя самого, наконец? Можно ли быть свободным, например, от себя вчерашнего, от того, что ты делал и говорил еще недавно? Конкретно: вправе ли мы, например, сегодня ловить за руку наших современников, напоминая им их вчерашние и позавчерашние высказывания? Тут нет однозначного ответа. Одно дело — гражданское хамелеонство, приспособление к пресловутой конъюнктуре. И другое — право личности на саморазвитие, на внутреннюю сложность и противоречивость.

Пушкин противоречив. Но в этом не слабость, а сила его. Он не из тех, кто, сказав о себе однажды, например: "Я — кантианец", в дальнейшем обо всем и всегда мыслит исключительно "по Канту". Пушкин не бежит противоречий, он стремится им навстречу, ищет их, любует-

ся ими. Его влечет парадоксальное, трудносочетаемое: "поэтическая, незабвенная, конституциональная, антипольская, небесная княгиня Голицына" — эта характеристика из одесского письма к А.И.Тургеневу (1823) совершенно поразительна. И эта любовь к противоречиям отнюдь не противоречит (!) любви к гармонии. Ибо лишь та гармония истинна, которая достигается преодолением противоречий. Гармония, достигаемая простым игнорированием их, — ложная, мнимая.

"Пушкин, Протей..." — обращался к нему в стихотворном послании Гнедич, имея в виду мифологического героя, способного бесконечно менять свой облик. Для Пушкина не существует мучительного вопроса, вокруг которого ломают копыта столько поколений, — для кого писать: для утонченной элиты или для "широкого читателя", ему интересно и то, и другое. "Я помню чудное мгновение..." соседствует в его "Избранном" с лубочной балладой "Жених".

И не случайно одни видели еще недавно в Пушкине чуть ли не революционера, лишь по случайности не оказавшегося в рядах декабристов, другие — несколько раньше — верного слугу трона; одни — атеиста и богоборца, другие — примерного христианина; одни — образец певца-гражданина, другие — последовательного жреца "чистого искусства" — и все находили в его творениях подтверждение своим позициям. Потому что все это в нем было, в разное время в разных пропорциях, и все это складывалось в то единственное и неповторимое явление, имя которому — Пушкин. Речь не идет о пресловутой всеядности или неразборчивости — эти слова не приложимы к Пушкину. Удачно было сказано: в России могут быть одновременно жара и лютый мороз — просто потому, что она очень большая. И Пушкин тоже — "очень большой".

Можно с известной долей уверенности говорить о том, что в последние годы своей недолгой жизни Пушкин все более склонялся к церковной религиозности, а в более широком мировоззренческом плане — к тому, что можно было бы назвать прогрессивным консерватизмом. Опять противоречивое определение? Да, но ведь это — Пушкин! Его "консерватизм" отнюдь не синоним реакционности, он не ставит запретов свободе человеческого духа, он предполагает лишь уважение и бережность к сложившимся веками основам людского бытия. Ибо разрушение их, в конечном счете, не освобождает человека (хотя и сулит некую "свободу"), а отвергает его в рабство.

Зрелый Пушкин бывал и грустен, и угрюм, но к нему, как к никому иному, приложимы слова другого великого поэта:

*Простим угрюмство — разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

А для нас, переживающих ныне времена, трудные для нашей страны и ее культуры, пусть прозвучат веселым ободрением слова, написанные в 1822 году из Кишинева в письме к Вяземскому: "Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России..."

Записал
Илья ФОНЯКОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

16.94.

1.06.94.

Пушкин А.С.

Пушкин А.С.